

Т. Юрская

Анна Ахматова: «Моя судьба быть его женой»

Купальный сезон закончился, городок Трувиль погрузился в спячку, и тут произошло событие, которое взбудоражило все немногочисленное местное население: полицейский арестовал некоего загадочного иностранца.

Это был высокий узкоплечий блондин, без вещей. Он довольно прилично говорил по-французски, но объяснить, что делает на берегу холодного моря в столь поздний час, был не в состоянии. Как бродяга он был препровожден в полицию, что весьма приятно сказало в последствии на русской литературе. Этим загадочным иностранцем был не кто иной, как поэт Николай Гумилев. Он прибыл из Парижа в нормандский городок Трувиль с одной-единственной целью: утопиться. Грязная Сена ему, видите ли, для этого не подходила: романтик, он с детства грезил морем. И если уж умирать, то в его благородных водах...

История эта стала довольно широко известна, над неудавшимся самоубийцей подтрунивали, но, как вспоминала его современница, художница Н. Войтинская, написавшая портрет поэта, «он умел хранить торжественный вид, когда над ним смеялись». Портрет напечатали в журнале «Аполлон» осенью 1909, как раз в то время, когда жизнь Гумилева опять могла закончиться трагически. На сей раз планировалась дуэль. Поэт и художник. Максимилиан Волошин... Подробности поединка утрачены, но доподлинно известно, что местом поединка была выбрана Черная речка. Та самая, где Пушкина настигла смертоносная пуля Дантеса. Сейчас дело до пули не дошло. Больше дуэлей в жизни Гумилева не было, самоубийств — тоже, ибо ровно через неделю та, из-за которой он трижды пытался уйти из жизни, дала согласие стать его женой. Произошло это в Киеве. И фамилия его избранницы, конечно же, была украинская: Горенко. Лишь спустя год под ее стихами появился псевдоним: Ахматова.

Познакомились они в рождественский Сочельник 1903. Царскосельской гимназистке Анне было тогда 14 лет. Как вспоминала ее ближайшая подруга, Валерия Срезневская, «она была стройной девушкой, с красивыми белыми руками и ногами и густыми черными волосами, прямыми как водоросли, и с большими светлыми глазами, странно выделявшимися на фоне черных волос». Такой Аню впервые увидел семнадцатилетний Гумилев, встретив ее с подругой у Гостиного двора с елочными игрушками в руках.

«Анне он не нравился, — утверждает Срезневская, — но уже тогда Коля не любил отступать перед неудачами». Сама Ахматова называет его в своих стихах «серым лебедем», превратившимся впоследствии в «лебедя надменного». О высокомерии Гумилева пишут многие, отмечая, что он умышленно создавал этот внешний сугубо защитный образ, под которым таились деликатность, застенчивость и даже робость. Как-то он признался: «Я не только носил цилиндр, но и завивал волосы, надевал на них сетку и иногда даже подкрашивал губы и глаза». Безусловно, тут сказало влияние Оскара Уайльда, которого Гумилев боготворил.

И вдруг — встреча с девочкой, которая воплощала простоту и естественность, а позу органически ненавидела. Правда, она, как и ее будущий муж, любила море. Корней Чуковский пишет, что «она в детстве была быстроногой дикаркой — лохматой, шальной. К огорчению родителей, целыми днями пропадала она у скалистых берегов Херсонеса, босая, веселая, вся насквозь опаленная солнцем». Современный читатель, не увидев в этом ничего особенного, ошибется. А особенное было: ведь тогда молодые дамы из богатых семей отправлялись на пляж в сложном наряде. Под шелковым платьем сидели две юбки, одна из которых жестко накрахмаленная, лиф, а под ним, само собой, корсет. Все это бережно снималось в глухой кабине и заменялось глухим купальным костюмом, резиновыми туфлями и шапочкой. И все для того, чтобы, повизгивая, войти в воду,

плеснуть на себя разок-другой и — быстро на берег. «И тут, — не без удовольствия вспоминала Ахматова, — появлялось чудовище — я, лохматая, босая, в платье на голом теле. Я прыгала в море и уплывала часа на два. Возвращаясь, надевала платье на голое тело и кудлатая, мокрая, бежала домой». Дамы в корсетах провожали ее осуждающе-снисходительным взглядом. Им и в голову не приходило, что «чудовище» шпарит по-французски Бодлера и упивается музыкой верленовского стиха.

Ничего этого Гумилев тогда не знал. Ни про дальние заплывы, ни про Бодлера в подлиннике. Перед ним была немногословная гимназистка с елочными украшениями в руках. Потом — с коньками: вторая их встреча произошла на катке. Он был поражен ее сноровкой и физической выносливостью. Теперь они виделись постоянно. Излюбленным местом прогулок была Турецкая башня в Царском Селе, искусная имитация руин. Словно ласточки устраивались они на самой верхотуре. Позже Гумилев напишет об этих счастливых минутах:

Ты помнишь, у облачных впадин
С тобою нашли мы карниз,
Где звезды, как горсть виноградин,
Стремительно падали вниз?

Для нее все это была игра. Он же, строгий юноша, жаждал серьезности. Требовал клятв верности и торжественного обещания, что она станет его женой. Длинноногая русалка смеялась в ответ. Ласково, но смеялась. Его бледное лицо бледнело еще больше. То были грозные симптомы, но Аня Горенко не придавала им значения, у нее и в мыслях не было, во что это может обернуться...

Скоро она с матерью и сестрами уехала в Евпаторию. Отец же остался в Петербурге. По сути, семья распалась...

Отвергнутый поэт настиг ее и в Евпатории — почта доставила сюда его первый стихотворный сборник «Путь конквистадоров». Официально, правда, книжка предназначалась не ей, а ее брату Андрею, но автор не сомневался, что любознательная сестрица тоже прочтет, легко расшифровывая тайнопись поэтических строк. Она прочла. И расшифровала. Следы этой расшифровки можно увидеть на одном из уцелевших экземпляров книги, где рукой Ахматовой, уже после гибели Гумилева, возле некоторых стихотворений проставлено лаконичное «мне».

Вторая его книга «Романтические цветы» вышла в Париже в 1908 и посвящалась целиком Анне Андреевне Горенко. В Париж Гумилев отправился, чтобы раз и навсегда забыть свою любовь. Но теперь, кажется, уже она либо не могла, либо не хотела его забыть и первая написала ему: «Если бы Вы видели, какая я жалкая и ненужная. Главное ненужная, никому и никогда». Гумилев, ошалевший от счастья, незамедлительно ответил. «Он пишет мне непонятные слова, — делится Анна с братом своей старшей сестры Сергеем Штейном. — Он так любит меня, что даже страшно».

Кажется, Сергей был тогда самым близким ей человеком. Именно ему она поверяет свою тайну: «Я до сих пор люблю В.Г.-К. И в жизни нет ничего, кроме этого чувства». В.Г.-К. — это Володя Голенищев-Кутузов, тогда студент Петербургского университета. Анна умоляет Сергея прислать Володину фотографию. Когда же после долгих пяти месяцев она все-таки получает требуемое, она извещает Штейна о событии, коренным образом изменившем ее жизнь. «Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Гумилева, — пишет она. — Он любит меня уже 3 года и я верю, что моя судьба быть его женой. Я ждала эту карточку и только после ее получения хотела сообщить Вам о своем замужестве. Вы думали, что я замолчу. О нет! Я слишком счастлива, чтобы молчать. Я пишу Вам и знаю, что он здесь, со мной, что я могу его видеть — это так безумно-хорошо! Сережа! Я не могу оторвать от него мою душу. Я отравлена на всю жизнь, горек яд неразделенной любви! Смогу ли я снова начать жить. Конечно, нет. Но Гумилев — моя Судьба, и я покорно отдаюсь ей. Не осуждайте меня, если можете. Я клянусь Вам, что этот несчастный человек будет счастлив со мной».

Клятвы своей Анна Андреевна не сдержала. Хотя честно старалась, готовила себя к его приезду. Старалась... Готовила... Но, когда летом 1907 будущие супруги стояли вдвоем на берегу моря в Севастополе, куда он специально приехал, чтобы повидаться с ней, она, глядя на тела выброшенных на сушу мертвых дельфинов, поняла вдруг, что на вопрос: «Люблю ли я его, не знаю?» — ответ следует дать отрицательный.

Тут-то, ни с чем, возвратившись в Париж и послав ей свою фотографию со строфой Бодлера, Гумилев отправляется в курортный город Трувиль, чтобы свести счеты с жизнью. Но, вы помните, его задерживают, приняв за бродягу. Он расценивает это как знак судьбы, как приглашение еще раз попытаться счастья — вдруг согласится? Но она не соглашается, и он снова пытается наложить на себя руки — на сей раз с помощью яда. В бессознательном состоянии его подбирают в Булонском лесу, в заросшем папоротником глубоком рву. Потом он напишет об этом стихи под названием «Отравленный» и включит их в цикл «Посвящается Анне Ахматовой».

Третья и последняя попытка добровольно уйти из жизни была предпринята им в Каире. Спустя десять лет он подробно опишет этот случай.

Я женщиною был тогда измучен
И ни соленый свежий ветер моря,
Ни грохот экзотических базаров,
Ничто меня утешить не могло.

Пыталась, правда, его утешить сама женщина, Анна Ахматова, пошедшая ради этого на шаг поистине героический... Детская болезнь, свинка, внезапно свалила ее. Тоненькую, девичью шею чудовищно разнесло. Естественно, ей не хотелось, чтобы он видел ее в таком виде. Инстинктивно она натягивает одеяло до самых глаз. А он — певец и поклонник утонченной красоты, требует убрать его. Он объясняет это просто — может, увидев ее такой, наконец разлюбит. И что же? Поэт нашел ее похожей на Екатерину II, что сделало ее в его глазах еще более недоступной, более желанной и непредсказуемой. Непредсказуемой настолько, что когда в 1909 он снова заговорил о браке, и она дала согласие, он не поверил ей.

Дело происходило в гостинице «Европейская», где после окончания литературного вечера они пили кофе. Никакого моря, никаких дельфинов, словом, ничего романтического. Не поверил... И зря! На сей раз решение ее оказалось бесповоротным. 25 апреля 1910 в церкви Никольской Слободки, что на левом берегу Днепра, Анна Горенко и Николай Гумилев обвенчались. В качестве подарка невесте была преподнесена «Баллада», которая начиналась словами «Влюбленные, чья грусть, как облака...» и заканчивалась строчками: «Ты знала все, ты знала, что и нам Блеснет сиянье розового рая». Никто из родственников жениха на венчание не явился: в семье Гумилевых были уверены, что этот брак не продержится долго. Тем не менее, молодые прожили вместе восемь лет. Но как вместе? Он уезжал то в Африку, где охотился за тиграми, то в Европу (тут уж охота была иной: за женщинами), а она оставалась одна. Сына Леву, родившегося осенью 1912, растила свекровь. Своего дома у Ахматовой не было никогда, она так и звала себя — бездомной. Но бездомность ее была особого рода: где бы она ни появлялась — в салоне ли, в театре, в ночном кабаре, сразу же оказывалась в центре внимания. «Затянутая в черный шелк, с крупным овалом камеи у пояса, выплывала Ахматова». Такой ее запечатлел в своих воспоминаниях поэт Бенедикт Лившиц.

Когда в 1919 в конце войны Гумилев окружным путем, через северные моря вернулся из-за границы, его жена жила у гимназической подруги Валерии Срезневской. Ей суждено было стать свидетелем конца: объяснение супругов состоялось в присутствии хозяйки дома. «Сидя у меня в красно-темной комнате на большом диване, Аня сказала, что хочет навеки расстаться с ним. Коля страшно побледнел, помолчал и сказал: «Я всегда говорил, что ты совершенно свободна делать все, что захочешь». Потом он встал и ушел». Для него это был удар, но удар неожиданный. Когда-то после очередного отказа он

написал стихи, в которых называет ее «мой враждующий друг» и предсказывает именно такой финал.

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной.
Как всегда, от меня ты теперь отреклась...

Но она отреклась (имеется в виду потребованный ею развод) от него живого, всеми почитаемого. Но мертвому, расстрелянному большевиками за заговор, в котором он не участвовал лишь знал о нем и не донес, — так вот ему, мертвому, она, сама пребывающая в опале, осталась верна до конца. Хранила его стихи, хлопотала об их издании, помогала энтузиастам собирать материалы для его биографии. Да и в собственных ее стихах нет-нет да и мелькал его образ.

Гумилев знал, что так будет. Еще в 1914 на фронте, куда он ушел добровольцем (и был награжден за храбрость двумя Георгиевскими крестами), было написано стихотворение, нигде не опубликованное, но одно четверостишие из него уцелело. Уцелело в памяти той, о ком в нем идет речь.

А ночью в небе древнем и высоком
Я вижу записи судеб моих
И ведаю, что обо мне далеко
Звонит Ахматовой сиренный стих.